

Ф.В.Шелов-Коведяев
ПРИРОДА КРИЗИСА
В РОССИИ И В МИРЕ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Мировой кризис вновь активизировал уже, казалось бы, ушедший в прошлое облегченно-марксистский взгляд на последние полтора столетия как на арену конфликтов нескольких бизнес-групп (промышленных монополий, финансовых кланов, банковских империй и т.п.). Эти группы якобы располагают необходимым и достаточным ресурсом для манипулирования международными процессами исключительно в своих частных эгоистических целях и используют национальные интересы, политические идеалы и общественные институты, правительства и народы в качестве инструментов прикрытия своих устремлений.

Вполне естественно, что очередная редакция конспирологической версии истории была вброшена находящимися на покое представителями разведывательного сообщества, по роду своей деятельности склонного преувеличивать действенность тотального контроля над происходящим. Отсюда и вал разнообразных суждений о том, что кризис в Россию импортирован и т.д.

Если не брать эти заблуждения на веру, а попытаться добраться до их истоков, можно увидеть, что основой подобных представлений является ложная интерпретация реальных событий. Начиная с 1850-х годов эволюция капитализма являет собой череду кризисов, из которых лидирующие игроки всякий раз выходили, активно используя внешние источники элиминирования возникших проблем. В ходе их разрешения могли возникать не только столкновения акторов между собой, но и их временные договоренности и коалиции. Однако видеть в самих кризисах осуществление некоего долгосрочного систематического плана нет никаких убедительных резонансов.

Во многом случайный, иррегулярный поиск оптимальных моделей преодоления и недопущения кризисных явлений неоднократно прерывался войнами. Они, как и попытки управлять кризисами в межвоенные периоды и гарантировать себя от них в дальнейшем, неизменно имели оппортунистический характер — то есть смягчали наиболее тяжелые поверхностные противоречия, не касаясь их фундаментальных причин. Теории же, покушавшиеся предложить какие-либо долгосрочные стратегии, не оправдывались на практике. В качестве примера можно привести эмиссионно-долговую экономическую модель, основывавшуюся на ряде теоретико-математических посылок.

Если вернуться к генетически присущим рыночным отношениям периодическим осложнениям, давшим основания для различного рода

циклических гипотез, то можно заметить, что напряженная ситуация в Европе во второй четверти XIX в., вылившаяся в две серии континентальных революций, привела, в частности, к Крымской кампании, а в конечном итоге и к франко-прусской войне и Парижской коммуне. Поскольку все эти события не повлекли за собой кардинальных изменений доминирующего экономического порядка, то заложенные в нем специфические недостатки спровоцировали не только хорошо знакомые нам в России события 1904—1907 гг., но и менее известный у нас кризис 1907 г. в Америке.

Не справившаяся с накрывшим ее валом разногласий Европа скатилась в первую мировую войну, которая не сняла накопившиеся нестыковки экономической системы капитализма, лишь на время отодвинув их в сторону (или загнав вглубь). Поэтому вторым актом той же драмы (с интермедией в виде общеевропейского кризиса 1920—1930-х годов и Великой депрессии в США) стала, соответственно, вторая мировая война.

Трагедия 1939—1945 гг. была попыткой ухода от трудностей, а не выхода из них, а потому после целой вереницы социальных катаклизмов, сменявших друг друга с конца 1940-х до конца 1960-х годов, возник серьезный кризис 1971—1975 гг. В свою очередь, отказ от даже формальной привязки (какой была Бреттон-Вудская система) мировых финансов к золотому стандарту стал продлением той же порочной практики самоустранения от работы с природой (а не с симптомами) нарастающих сложностей. После ряда встрясок (разной степени интенсивности в различных регионах мира) в 1990-е годы произошел системный глобальный обвал¹.

¹ Пролегомены
2009.

Уклоняясь от решения вопросов по существу (чем политические классы и бизнес-сообщества развитых экономик и демократий не хотят заниматься и теперь), после каждого тектонического сдвига капитализм тем не менее расширял свой потребительский рынок. В силу естественных причин больше всего при этом выигрывали лидеры международных экономических отношений, поскольку благодаря своему положению и надежной репутации они могли мобилизовать ресурсы иных участников событий и извлечь из них максимальную для себя пользу². Сначала это была Великобритания, потом США.

² Вьюгин 2009.

Особенно показательны в этом отношении Соединенные Штаты. Во время Великой депрессии многие американцы трудоустроились на высокооплачиваемой работе на «стройках социализма» в СССР. А в Великую Отечественную войну они получали высокие доходы уже у себя дома, обеспечивая контракты по ленд-лизу. Вообще экономика США поднялась в тот период, как на дрожжах, на военных заказах, а затем на плане Маршалла по восстановлению послевоенной Европы.

Некоторые недоброжелатели подозревают форвардов капитализма в злонамеренном и особо циничном зарабатывании на людском горе. Во врожденной способности рынка все обращать себе на пользу они видят намеренное разжигание войн (ведь те косвенно служат

стимулом потребления) буржуазией даже в тех случаях, когда сами «поджигатели» страдают одними из первых.

Все сказанное выше свидетельствует о чрезвычайной важности правильной диагностики нынешнего глобального кризиса. Многие его симптомы вполне могут означать, что механическое распространение капитализма достигло своего естественного предела, а это требует его принципиальной модернизации. В противном случае нас ждет, в том числе из-за оживления антикапиталистических представлений и настроений, хорошо знакомый «социализм без человеческого лица».

К сожалению, недостает прежде всего адекватной квалификации разворачивающихся событий. Экономисты фатально отстают от стремительно меняющейся обстановки и постоянно опаздывают с распознаванием обрушившихся на нас проблем. Когда уже было ясно, что кризис экономический, его упрямо продолжали называть финансовым. Когда выступления в Исландии, Франции, Германии, Испании, Греции и Италии придали ему бесспорное социальное измерение, его с трудом признали экономическим. И лишь к середине весны 2009 г. кое-кто стал говорить о социально-гуманитарной угрозе, да и то применительно лишь к Восточной Европе и Центральной Азии³. Но и это определение уже устарело. Если сложить вместе то, что многими авторитетными специалистами признается по отдельности, станет ясно, что речь идет о глубинном культурном/цивилизационном кризисе.

Для такой оценки оснований более чем достаточно. Начать можно с теории. Текущий кризис, согласно общему мнению, носит системный характер⁴, а полноценной, то есть самодостаточной, системой является только культура, тогда как экономика (если отвлечься от абстрактных построений экономической теории) есть не более чем ее подсистема, не имеющая самодовлеющего значения⁵. Конечно, на время осуществления узкого исследования при соблюдении всем известных требований научной корректности системой может быть названа любая совокупность...

Точность общетеоретических соображений подтверждается практикой. Когда О.В.Вьюгин (МДМ-банк)⁶ говорит о кризисе господствующего экономического мировоззрения, представитель консалтинговой группы «Ernst and Young»⁷ — о формационном сдвиге, а Е.Г.Ясин с М.В.Снеговой — о сдвиге тектоническом, они используют смысловой ряд не экономики, но культуры⁸.

К культуре апеллируют Л.Харрисон, Э.Маскин⁹ и другие¹⁰, когда рассуждают о вскрывшихся моральных рисках, кризисе доверия, необходимости ужесточить нормы этики поведения на рынке и даже о религии, которая должна сыграть ключевую роль в контроле над направленностью основных реформ, необходимых капитализму. Ведь очевидно, что доверие, на котором строятся взаимоотношения уже в самых примитивных обществах, старше экономики, а этика ею не производится и вообще не является ее целью. Все эти понятия заимствованы из языков описания культуры.

³ Роланд 2009.

⁴ См., напр., интервью с Н.Рубини (Известия. 17.03.2009).

⁵ Данное утверждение согласуется, например, с тезисами докладов Л.Харрисона, хорошо известного у нас по сборнику «Культура имеет значение» (Харрисон, Хантингтон 2002), на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ (7–8 апреля 2009 г.), в которых он справедливо называет экономику одним из элементов культуры.

⁶ Вьюгин 2009.

⁷ Данилин 2009.

⁸ Ясин, Снеговая 2009.

⁹ Маскин 2009а.

¹⁰ Ср. также высказывания ведущих мировых политиков — Б.Обамы, Д.А.Медведева, Н.Саркози, А.Меркель и др.

Раз мы имеем дело с культурным кризисом, то надо понять, культура какого типа его переживает. В прошлом культурные кризисы случались не единожды, и это всегда были кризисы какого-то определенного культурного типа. Нынешний — не исключение.

Безусловно, можно сколько угодно укорять Вашингтон в том, что он управлял мировой резервной валютой как национальной, а финансовые власти и банки Штатов в том, что они слишком либерализовали рынок ипотечных кредитов. И тот, и другие заставили расплачиваться за собственное своекорыстие как прочие сектора американской экономики, так и иные страны. Да, дурно жить за чужой счет. Но этой критике явно недостаточно, чтобы понять и объяснить суть происходящего.

Налицо два больших связанных между собою комплекса кризисных явлений современной культуры.

Первый объединяет различные аспекты постмодернизма как культурного феномена. Во-первых, постмодерн довольно давно устранил основного референта из обмена культурными объектами. С момента замещения массовой культурой настоящего искусства начался цивилизационный надлом Запада, приведший его к глубоким социальным (разобщенность, недоверие, демографический спад, агрессия) и личностным (гипериндивидуализм, публичное одиночество, психические заболевания) неурядицам. Затем он проделал то же с политикой, что подтверждается распространением не только диктаторских режимов, но и модных на Западе концепций конца демократии, а также игнорированием общественного мнения по важнейшим вопросам национального развития. Надо отдать должное экономическим субъектам, которые дольше всех сопротивлялись постмодернистскому вирусу. Но в конце концов им заразилась и экономика; он и стал спусковым механизмом ее обрушения. Ибо в схеме обращения не только деривативов, но и фьючерсов есть только формальная привязка к базовой ценности, от которой они произведены. Стало очевидно, что постмодернизм как мировоззрение и стратегия опасен для жизни.

Во-вторых, показала свою несостоятельность идеологема «цивилизации средств, а не целей», которой недавно так гордились западно-европейские интеллектуалы. Сейчас всем ясно, что сами по себе средства, применяемые не «во имя», не ради достижения «града на холме», вместо града приводят в тупик. Возвращается понимание того, что без следования вечным ценностям, без подчинения им идейных и материальных инструментов человечество не выживет.

В-третьих, оказалась непродуктивной цивилизация скорости. После обвала фондовых рынков ее уже стесняются выдвигать как главное достижение информационной и постинформационной экономики. Кроме того, существует еще как минимум три негативных последствия чрезмерного увлечения быстротой, которым пока уделяется явно недостаточное внимание. Социально наиболее опасна «суэта повседневности», в которой пребывают развитые страны, ибо она убивает нормаль-

ное общение между людьми, лишает их необходимого душевного комфорта и нацеленности на непреходящие ценности.

В результате постоянного выведения на рынок новых и новых моделей продукции либеральная экономика пришла к тому же, что и директивная, — к падению качества товаров. Парадоксально, но факт: поскольку товары все быстрее морально устаревают, теряет смысл производство вещей, чья надежность рассчитана на длительный срок. Снижение качества постепенно распространилось на все предложение, включая производство идей и решений. Все большее их число продвигается без учета хотя бы среднесрочных последствий.

Третий подводный камень также подстерегает нас на пути подстегивания темпов инноваций. Уже сейчас срок поступления технических новинок в распоряжение массового потребителя, занимавший ранее десятилетия и годы, сократился до нескольких месяцев. В ближайшей перспективе он вполне может уменьшиться до недель. Когда же дело дойдет до дней (к чему толкает логика максимизации прибыли), утратит смысл инновационная деятельность как таковая: новшества будут морально устаревать быстрее, чем ими успеют в полной мере воспользоваться. А это будет крах куда хуже теперешнего.

Другой комплекс кризисных явлений связан с концепциями, так или иначе восходящими к марксизму или соотносящимися с ним, — ведь даже те, кто отвергает прогнозы и практические рекомендации К.Маркса, обычно признают его крупным социологом и экономистом. Во-первых, обнаружилась врожденная порочность психологии экономоцентризма¹¹, которой весь развитый мир был захвачен в последние полтора года. Между тем именно Маркс первым возвел экономику в абсолют, превратив обыкновенный инструмент, призванный обслуживать интересы общества, в самодостаточную сущность, якобы имеющую императивную власть над человеком. За что ему и благодарны до сих пор все апеллирующие к химере высших нужд экономики.

Это далеко не единственный случай, когда человечество обоже- ствляет рукотворные произведения, превращая их в своего рода «золотых тельцов», которых и начинает почитать. Одной из первых форм такого заблуждения были ранние религиозные представления, получившие в науке название фетишизма. В дальнейшем народы творили себе кумиров из идеологий, власти и т.д. Так как это неизменно заканчивалось весьма плачевно, аналогичный итог превращения экономики в один из рядовых фетишей надо признать закономерным. Видимо, пришла пора расстаться с очередным идолом и перейти от поклонения заурядному средству к его использованию по прямому назначению: как такого же орудия, как и прочие. Не люди должны работать на экономику, а она — на них.

Во-вторых, показала свою несостоятельность вытекающая из экономоцентризма Маркса экспансия рыночных отношений за их естественные границы. Еще Адам Смит определил, что рынок, эффективный в сфере частного интереса, абсолютно неэффективен в области

¹¹ Ярчайший пример таких взглядов см. Гавриленков 2009.

¹² См. Сен 2004: 142—148; 149—151.

¹³ Его критику см. Бодрийар 2000.

¹⁴ См., напр. Афонцев 2009.

¹⁵ См. Маскин 2009б: 12.

¹⁶ См. Шелов-Коведяев 2004: 145, 153; Хайек 2003: 137—223.

¹⁷ Цит. по: Уоррен 1999.

¹⁸ См., напр. Горелов 2008.

¹⁹ См., напр. Шелов-Коведяев 2005.

²⁰ Там же.

общественного блага¹². Хотя из-за кризиса под ударом оказалась экономика потребления, виновата не она (на удовлетворение спроса любая ее форма ориентируется по определению), но возникшее в результате игнорирования смитовского предупреждения общество потребления¹³.

Оба понятия даже ученые путают настолько часто¹⁴, что надо специально подчеркнуть, что худо не материальное (экономическое) потребление, а перенос его подходов на то, к чему они неприменимы в принципе (человеческие контакты, искусство и т.п.), то есть общество, где узусы потребления подавляют все остальные. Превращение образования, науки, культуры, медицины в обычные услуги извращает их смысл. Из-за бездумного увлечения ползучим практицизмом в двух первых преобладает угнетающее их рядовое ремесло, третья не воспитывает реципиента, а опускается на его уровень, четвертая откровенно коммерциализируется и забывает о клятве Гиппократов.

В-третьих, исчерпал себя, напоследок немало поспособствовав недавнему обострению социальных болезней, механистический подход к регулированию общественных процессов, также берущий свое начало в социализме позапрошлого столетия. Если аналогичная метода в экономике восходит к утопистам Р.Оуэну и Ш.Фурье¹⁵, то различные виды социальной инженерии — к еще одному предшественнику марксизма, А. де Сен-Симону, чьи ученики из Высшей политехнической школы в Париже вдохновили Маркса¹⁶ на выработку рецептов построения всеобщего счастья. И хотя преобладающие сейчас воззрения во многом отошли от его рекомендаций, сама привычка рассматривать человека и общество как довольно простые агрегаты, ненамного сложнее устроенные, чем обычные машины, осталась неизменной.

В работе правительств, бизнеса, консультантов, экспертов и исследователей разных уровней технологические конструкты общества стали настолько подменять его подлинный образ, что это дало повод Д.Хорнгрену сформулировать свой крылатый афоризм: «Среди экономистов реальный мир зачастую считается частным случаем (их концептов — *Ф.Ш.-К.*)»¹⁷. Администраторы и менеджеры привыкли полностью доверять управленческой эффективности искусственных схем, кардинально и тотально пренебрегающих многообразием естественного мира. Эта возведенная во второй половине XX в. в абсолют практика не столь невинна, как может показаться на первый взгляд, ибо витальность всех форм жизненной активности обеспечивается — и кризис это продемонстрировал — их избыточным разнообразием.

Многочратно подтвержденная экспериментально на материале естествознания¹⁸ и антропологии¹⁹ императивность соблюдения принципа вариативности оказывается благодаря культуре²⁰ составляющей неделимое целое с общественной средой, не менее присущей и социуму. Иначе для него неминуемо наступают тяжелые последствия, которые могут быстро привести его к летальному исходу.

Два уже состоявшихся эмпирических факта — уход в прошлое СССР и вступление на наших глазах Европейского Союза в самые сложные за всю свою историю времена — явно доказывают: регламентация до мелочей и всеобъемлющая стандартизация, необходимые для функционирования механизмов, тормозят нормальное развитие живого организма и могут его убить.

В-четвертых, дискредитирована явившаяся логическим продолжением марксизма вульгарная интерпретация концепции рационального выбора, огульно распространившая ее на любых игроков и сегменты рынка. Невозможно, например, описать таким образом поведение участников розничной торговли (где основной покупатель — женщина, чьи предпочтения не укладываются в прокрустово ложе рациональной мотивации); большей частью безрезультатны и попытки проспективного моделирования ситуации на бирже. Проявившаяся в период кризиса с особой остротой волатильность финансовых и фондовых рынков, чья динамика зависит в большей степени от сиюминутного — эмоционального и психического — настроения спекулянтов, чем от реального положения дел в экономике, ясно указывает на ограниченную применимость данной методики в научных и практических целях.

В-пятых, закончилось время марксистской политэкономии. Маркс анализировал экономику классического типа, то есть экономику производства и сбыта физических материальных ценностей. Тем же до сих пор занимались и его последователи и противники. Хотя обстановка принципиально изменилась никак не менее четверти века назад²¹, все по инерции продолжали работать с новой реальностью по правилам, действительным только для давно ушедшей натуры.

²¹ Гайдар 2009.

Политика искусственного подхлестывания роста (потребления) и формирования спекулятивных рынков²², стартовавшая в США в 1970-е годы, привела к середине 1980-х годов к возникновению нового типа экономики, которая может быть условно названа эмиссионно-долговой. Кроме ускоренной аккумуляции и неэффективного использования государственного и частного долгового капитала, расширенной эмиссии доллара и разделения бремени накопившегося номинального долга с другими странами²³, она отличается превращением (через систему торгов фьючерсами и деривативами) всех товарных рынков — от пшеницы до металлов и нефти — в рынки сугубо финансовые²⁴, сиречь спекулятивные.

²² См. Мау 2009: 168.

²³ Вьюгин 2009.

²⁴ Гайдар 2009.

Биржи торгуют не реальными объемами продукции с определенными сроками их фактической поставки, а ценными бумагами, выпущенными под них. Последние есть чисто финансовый инструмент, существующий в своем виртуальном мире, поскольку наличие реального товара ни одну из сторон сделки ни на каком из ее этапов не интересует²⁵. Отсюда, например, миф о продовольственном кризисе, возникший на пустом месте несколько лет тому назад и не имевший ничего общего с угрозой голода — фантом, надувавшийся в интересах биржевых игро-

²⁵ Мау 2009:166.

ков. Товарные биржи стали, таким образом, аналогом фондовых, и торги на них подчиняются логике финансовых спекуляций.

То же произошло и с капитализацией компаний, показатели которой используются сейчас почти исключительно в спекулятивных целях²⁶. Нынешняя ситуация радикально отличается от той, что была известна Марксу и осмыслена им и препарированными тот же материал его оппонентами, как бы ни относиться к их выводам. Эта новая действительность требует своей оценки, для которой не подходит старый инструментарий, если мы не хотим свалиться в уже пройденный Россией «социалистический» экстремизм большевистского толка, где финансовый сектор предстает раковой опухолью на здоровом теле материального производства. Пока не будут найдены адекватные методы лечения невиданной прежде болезни, нельзя будет говорить об устойчивом выходе из кризиса.

К сожалению, до этого еще далеко. К тому же глобальный кризис разворачивается на фоне целого ряда серьезно отягчающих его течение отраслевых кризисов. Большинство из них, что лишний раз подтверждает общекультурный характер происходящего, не имеют исключительно экономического источника. Первый среди них — кризис экономической науки. Такие разные теоретики и практики, как Роберт Зелиг, Егор Гайдар, Джозеф Стиглиц, Нуриэль Рубини, Евгений Гавриленков, Мартин Гилман, Уоррен Баффет и Эрик Маскин, не могут хотя бы приблизительно определить, когда закончатся текущие потрясения, отводя одной только острой их фазе от двух до пяти лет, а иногда и более.

Глава Федеральной резервной системы США Бен Бернанке выступил в феврале на слушаниях в Конгрессе с паническими заявлениями, требуя поддержать американские банки «любой ценой». Его можно понять, ибо ученые не могут сказать ничего определенного о природе кризиса. Все имеющиеся ответы отражают пока лишь негативное знание: это *не* циклический кризис, *не* обычный кризис перепроизводства, при котором повышение процентной ставки приводит к сжатию денежного предложения, сокращению спроса, снижению цен и, вслед за тем, новому понижению ставки²⁷. Оптимизма не добавляет то наблюдение, что среди ученых нет согласия даже по поводу механизмов, породивших давние кризисы²⁸. Это порождает опасения относительно научной состоятельности соответствующих концепций. Неясно, как будет развиваться кризис экономики искусственного стимулирования потребления, полностью оторванной от золотого стандарта, в сочетании с волатильностью и спекулятивностью товарных рынков²⁹.

При том, что все рынки стали, по сути, финансовыми, работающей теории их функционирования нет³⁰. Да и лидеры финансового мира, практики, непосредственно вовлеченные в его операции, имеют о новых финансовых инструментах весьма слабое представление³¹. Теория долгосрочных экономических циклов, по-видимому, устарела³². Теория реальных циклов лишена практической ценности³³, современные модели деловых циклов не гарантируют реалистичности представлен-

²⁶ Там же: 170.

²⁷ Гайдар 2009; Мау 2009: 165; Вьюгин 2009.

²⁸ Мау 2009: 167.

²⁹ Гайдар 2009.

³⁰ Там же; Энтов 2009а: 30–31; Мау 2009: 171.

³¹ Мау 2009: 166.

³² Энтов 2009а: 14.

³³ Там же: 26.

³⁴ Там же: 30, 38.

ных в них расчетов³⁴. Это делает их чистой игрой ума, что и было доказано расхождением результатов математических расчетов и настоящих итогов обращения деривативов.

³⁵ *May 2009: 173.*

Кризис экономической науки сопровождается психологическим кризисом. Энтузиазм, вызванный доходностью деривативов и финансового сектора в целом, сменился в западных обществах глубоким пессимизмом. После того, как растаял очередной мираж, многие почему-то стали не работать над ошибками, не порицать себя за склонность к получению высоких доходов, не прилагая к тому особого труда, а хоронить капитализм, проклинать алчных банкиров и т.п.³⁵ Позитивным в данной картине может быть только то, что такая реакция массового сознания и элит в развитых странах поможет нам, если мы ее правильно уясним себе, избавиться от собственного комплекса неполноценности.

³⁶ Там же: 170.

Еще один фактор, оказывающий глубочайшее воздействие на течение событий, — это дефицит осознания акторами либеральной экономики угроз, вытекающих из ее безальтернативного положения. Будучи лишена необходимости конкурировать за место под солнцем, она быстро потеряла самоконтроль³⁶. Без борьбы за качество ради превосходства над социализмом при расширенном и искусственно стимулируемом росте/потреблении упал не только уровень производимой продукции. Праздник победы Запада оказался прерван потому, что в его гипертрофированной эйфории потерялась базовая для либерализма идея личной ответственности за плоды своей активности³⁷.

³⁷ См. Вьюгин 2009.

Утраченная ценность должна быть срочно восстановлена в ситуации, когда с редким и заслуживающим лучшего применения единодушием удары со всех сторон наносятся в самое сердце феномена свободы. Отказаться от нее предлагают и левые, и правые. При этом отсутствует понимание того, что в бедах виновата не свобода, а принимавшаяся всеми как сама собой разумеющаяся ее внутренняя монотонность. Это страшный подвох. Ибо в нем кроется опасность (тем более громадная, что она пока еще как следует не осознана) расползания по свету в качестве альтернативы рынку уже начавшихся местами попыток реставрации «социалистического рая». Развитый мир обязан, во избежание тоталитарного реванша, выработать в рамках свободной социально-экономической системы разные, но по-своему притягательные ее варианты, способные на равных состязаться между собой.

³⁸ *May 2009: 174—175.*

Увы, именно в сфере идей нынешних мировых лидеров, идет ли речь о личностях (например, президенте Саркози и канцлере Меркель) или институтах (Европейский Союз), и подстерегает четвертый кризис — философии. В лучшем случае они сводят всю реформу капитализма к ритуальному подтверждению своего банальнейшего неприятия его англосаксонской модели, в худшем — сами же пестуют социализм³⁸, подталкивая планету к новой катастрофе.

Из всего вышеперечисленного напрямую вытекает следующая проблема — кризис действия. Поскольку парадигматического понимания актуальной ситуации ни у кого нет, то и меры принимаются такие,

которые могли бы помочь при прежних, а не нынешних потрясениях. Сами по себе усиление государственного надзора за соблюдением правил рыночных отношений, расширение числа мировых и/или региональных резервных валют и финансовых центров, перераспределение квот и голосов в МВФ и т.п., возможно, и были нужны. Проблема в том, что все эти шаги не имеют прямого отношения к текущим кризисным обстоятельствам³⁹. А потому достаточность применения в них уже доказавших ранее свою эффективность механизмов регулирования, как и выработки следующих прежней логике новых, остается под вопросом⁴⁰. То есть, все делается вроде бы правильно, но лечится совсем другая болезнь...

³⁹ Там же: 174, 186.

⁴⁰ Энтов 2009б.

Между тем перед человечеством стоят совсем не рядовые вызовы. Проявит ли капитализм способность к интенсивному развитию? Вопрос звучит парадоксально, поскольку все привыкли почти отождествлять два эти явления. На поверку же выходит, что такая связь в рамках капиталистического пути справедлива только применительно к техническому прогрессу. А вот сама форма экономического поведения, известная как капитализм, развивалась исключительно экстенсивно. Она не более чем осваивала новые рынки теми же методами, что были опробованы уже в период самого ее возникновения, и в настоящий момент достигла географических границ своего механического распространения. Остаются, конечно, беднейшие страны Азии и Африки и возможности движения вглубь многомиллиардных обществ Индии и Китая. Но, с одной стороны, их освоение требует колоссальных вложений; с другой, это стало бы всего лишь продолжением того же экстенсивного движения.

Точно той же логике следовали и отказ от золотого стандарта, когда вместо совершенствования финансовой политики и денежного обращения внутренними средствами просто снимались их внешние ограничители, и так называемые «новые финансовые технологии». Периодически возникавшие *новинки* вроде фьючерсов и деривативов были *инструментами* (не существовавшими ранее видами ценных бумаг), *способ* же их обращения («технология») оставался *прежним*, как в популярной некогда книге Теодора Драйзера «Финансист», в которой описаны события полуторавековой давности.

К сожалению, широко обсуждаемое теперь — от Чавеса, Лужкова, альтерглобалистов и объединенных левых в Европарламенте до президентов Саркози и Медведева — «обновление» капитализма при помощи усиления государственного регулирования экономики и накачки ее ликвидностью никак не может быть признано его реформой, а только очередной, более мягкой и краткосрочной на Западе и рискованной стать в России жесткой и долговременной, реинкарнацией социализма⁴¹.

⁴¹ Май 2009: 175, 180.

Если надежды на возможность качественного роста капитализма небеспочвенны, то его предпосылкой должно стать общее понимание того, что на мир нельзя более смотреть как на банальное сырье для своей деятельности или как на театральную сцену, где разворачивается

игра интересов виртуальных персонажей. Он действительно стал нашим общим и очень компактным домом, и вести себя в нем надо соответственно данному факту.

Некоторые параметры перехода к действительно интенсивному развитию рыночной экономики, как представляется, таковы. Надо:

- принять новую реальность, где не доминирует *общество* потребления, где действуют меньшие скорости усвоения материальных благ и куда более скромные темпы обращения финансовых инструментов, допускающие хотя бы частичный возврат к «мягкому» золотому стандарту в виде наднациональной мировой резервной валюты⁴², как норму — и научиться в ней жить⁴³;
- создать условия, при которых банки будут брать ответственность за сомнительные кредиты на себя, не станут их выдавать и не будут иметь возможности покрывать свои убытки за счет бюджета и иных секторов экономики⁴⁴, а IPO не будет использоваться исключительно как средство привлечения «длинных» денег⁴⁵;
- обеспечить прозрачность деятельности бизнеса и исключить из его практики выплату менеджменту вознаграждений, стимулирующих проведение им рискованных операций;
- разработать для мировой экономики систему раннего предупреждения о рисках⁴⁶.

⁴² Дворкович 2009.

⁴³ Улюкаев 2009.

⁴⁴ Маскин 2009а;
Греф 2009.

⁴⁵ Греф 2009.

⁴⁶ Где и как 2009:
16.

⁴⁷ «Теория экономического цикла развивается практически уже около двух столетий. Но никогда и никому ни один из кризисов предсказать не удалось» (Энгов 2009а: 6).

⁴⁸ Роланд. 2009.

Собственно, это тоже самостоятельный вызов — сможет ли экономическая наука выйти из своего современного зачаточного, дескриптивного состояния, где нет согласия даже в отношении давно минувших событий⁴⁷, и подняться, как это случилось с ботаникой и зоологией, выросшими затем в биологию, до уровня работающих теорий?

Дополнительным источником неопределенности является, конечно, Китай. Станет ли он главным бенефициарием кризиса или погрузится из-за него в хаос⁴⁸ — любой исход окажет самое глубокое влияние на ситуацию в мире в целом. Уже сейчас Пекин через систему парткомов на работающих в Поднебесной иностранных предприятиях знает все об их сделках и финансах. А характер поведения Китая с самого начала кризиса не оставляет сомнений в его долгосрочных намерениях. Он открыто заявляет, что не собирается никому помогать (300 тыс. работавших в Китае западных фирм уже рухнули) или делиться с кем-либо своими резервами; он предпринимает атаку на доллар и, опираясь на непонятно на что рассчитывающую Москву, требует реформы МВФ; он уверенно продвигается к превращению юаня в резервную валюту, заодно, наряду с арабами Персидского залива, оптом скупая недра и земли Африки. Коли все сложится для него удачно, это будет не просто возврат к ситуации, которая в последний раз имела место в XVII в., когда Восток, а не Запад лидировал в техническом отношении. Китай еще получит и все шансы превратиться в диктатора планетарного масштаба. В противном случае — падая — он вполне способен утянуть за собой и развитые государства.

А что же Россия? Самое печальное состоит в том, что в России все названные выше переплетающиеся кризисы и вызовы наложились на ряд резко обострившихся внутренних недугов, которые принципиально утяжеляют протекание у нас этой «общечеловеческой болезни». Внешние воздействия, конечно, усугубили переживаемые российским обществом потрясения, однако и без того они были неизбежны.

Прежде всего, страна переживает кризис экономики, конечно, рыночной, но, в отличие от развитых наций, не либеральной, а сверхгосударственной и сверхмонополизированной. Так, если в мире расходы на транспортировку в экспортной цене товара составляют в среднем не более 7–8 %, то в России, из-за монопольного положения, например, РЖД, — все 30–40%. Что касается внутренней торговли, то сейчас высокие накладные расходы, и прежде лежавшие тяжким бременем на поставках, просто разрушают логистику. Точно так же усилилось угнетающее действие энергетических тарифов на внутренних поставщиков продовольственной продукции и другие конкурентоспособные, включая экспортоориентированные, отрасли вроде нефтехимии.

Будучи регулятором рынка, государство одновременно является, в том числе из-за гипертрофированной системы госмонополий и госкорпораций, активным его игроком, что создает на нем совершенно нездоровую обстановку, в которой фактически игнорируются подлинные нужды не только потребителей, но и огромного числа производителей разного рода благ. Продолжается активный вывоз за рубеж зерна, молока, сыра, хотя значительная часть той же товарной номенклатуры встречным потоком импортируется, почему и внутренние цены на них продолжают расти — при тревожном для будущего страны падении доходов и потребления граждан. «Газпром» затевает все новые экспортные проекты, хотя совершенно ясно, что собственную промышленность и ЖКХ ожидает скорый и острый дефицит газа, не говоря уже о позорной для нас статистике негазифицированности домашних хозяйств.

Все агенты реального сектора экономики прогнозировали на конец 2009 г. серьезные проблемы в своей сфере из-за того, что запас прочности материальной базы, унаследованной от советского прошлого, близок к исчерпанию, а никакой замены ей не создано. Теперь эти проблемы рискуют совпасть с волной невозврата кредитов банкам, которая ожидается уже в третьем квартале, что создаст эффект мощного кумулятивного удара по всей деловой активности.

При помощи налоговых и тарифных инструментов усиливается давление на бизнес, что ведет к ускорению бегства капитала (его сильно подхлестнуло и громкое дело против «Евросети» и Евгения Чичваркина). В свою очередь, ВАЗ имел все шансы повысить конкурентоспособность за счет радикального удешевления своей продукции — путем освобождения завода от непрофильных активов и криминального контроля над реализацией современных моделей его продукции. Это

позволило бы не только сохранить, но и увеличить производство (и количество рабочих мест), решив тем самым важную социальную задачу. Но вместо этого было пролоббировано повышение пошлин на ввоз подержанных иномарок, что попутно уничтожает целый сегмент автомобильного рынка.

Одновременно иные импортеры вкупе с таможеней получают беспрепятственный доступ к сверхприбылям. Взлет потребительских цен в России (вопреки общемировой тенденции, где они падают вслед за обвалом спроса) торговцы обосновывают ростом курса доллара и евро по отношению к рублю, а также якобы значительной импортной составляющей в отечественном производстве и торговле (в США, где цены скатились вниз, этот показатель, кстати, намного выше — 80%). И поднимают цены даже на те товары — от цветов и автомобилей до электроники всех видов и комплектующих, — которые в странах-экспортерах подешевели в 2—5 раз. Между тем при таком разрыве между стоимостью импорта и курсовой разницей его покупная цена, с учетом доставки и таможенного оформления, все равно должна была снизиться, а вовсе не вырасти от 50% до двух и более раз.

Правительство, стремящееся к тотальному перераспределению, объясняет высокие розничные цены на топливо и горюче-смазочные материалы необходимостью изъятия у соответствующих корпораций через налоговые инструменты средств, потребных бюджету для выполнения его обязательств перед социально уязвимыми слоями соотечественников. Лукавство здесь настолько простодушно, что любой пенсионер понимает: для него была бы важнее ценовая стабильность, нарушаемая именно топливной составляющей в тех самых потребительских ценах, от повышения которых, желая остаться его благодетелем, его спасают через увеличение социальных выплат. Но порочный круг незыблем.

Приходится констатировать, что власти в основном борются не с тем кризисом⁴⁹. И так имея нелиберальную экономику, они, вслед за странами ОЭСР⁵⁰, еще больше усиливают нелиберальные меры, что ведет к результатам, обратным как общественным, так и собственно властным интересам. Наши правители теряют позиции и себя дома, и за рубежом.

Если кого-то действительно интересует истинный рейтинг доверия к русской власти, лидерам и т.п., то достаточно взглянуть на курс национальной валюты и ценовую динамику. Рубль показывает явное недоверие граждан к нему самому, а также к текущей денежной и — шире — финансовой политике. Его нынешнее состояние вызвано, кроме уже названных, еще четырьмя обстоятельствами.

1. Пришедший на смену большевистскому догматизму догматизм либеральный диктует не менее опасную, чем советская, хотя и содержательно иную политику. Либерал-догматики слишком прямолинейно и узко понимают монетаризм. Они почти гиперболизируют инфляционную составляющую потребительского кредита, а потому

⁴⁹ *Алексащенко 2009.*

⁵⁰ *Вьюгин 2009.*

- преувеличивают роль сокращения числа кредитов, используемых для приобретения дорогих товаров, в то же время излишне пренебрегая вкладом в нее эффекта роста цен на продукты повседневного спроса. Они не хотят признавать, что передавленный ради борьбы с инфляцией показатель М2, то есть слишком дорогие и дефицитные деньги, сам становится могучим мотором раскручивания инфляционной спирали. Еще недавно они вообще не желали ничего слышать о ее немонетарных факторах (тарифах и т.п.). Признав же их существование, сделали это слишком поздно и половинчато.
2. Выдача банкам исключительно краткосрочных кредитов сама провоцирует девальвацию, поскольку их своевременный возврат, с учетом прибыли заемщика, возможен лишь путем быстрого оборота заемных средств через операции с иностранной валютой.
 3. Плавное снижение курса рубля на фоне очевидного всем и даже открыто декларируемого непонимания властями сути происходящего и трат финансовой администрацией золотовалютных резервов ведет к падению доверия и к национальной валюте, и к отечественным политикам как внутри страны, так и за ее пределами.
 4. Либеральный догматизм финансистов сочетается с антилиберальным догматизмом силового клана в правительстве, что приводит к мультипликации негативных последствий такого тандема. Присутствие государства на рынке в качестве ведущего игрока, господство «естественных» и прочих монополий, терроризирование бизнеса завышенными требованиями налоговых служб к предоставляемой им документации, уничтожение всем этим независимых поставщиков продукции и разрушение логистики сами по себе постоянно разогревают инфляцию.

Если так будет продолжаться еще какое-то время, Россию, скорее всего, ждет жестокая стагфляция и выход из кризиса последней среди ей подобных, а то и переход в разряд рушащихся наций. Неадекватность нашей политики реальным вызовам лучше всего показывают попытки вырастить из рубля резервную валюту и создать в Москве международный финансово-расчетный центр: присутствие страны в мировом обороте товаров, денег, информации и инноваций настолько мало, что данные устремления не имеют никакой практической перспективы в ближайшие десятилетия.

Библиография

- Алексахенко С.А.** 2009. Экономический совок // *Ведомости*. 15.05.
- Афонцев А.В.** 2009. *Мировой кризис: кто виноват? Доклад на семинаре ГУ-ВШЭ «Проблемы переходной экономики».*
- Бодрийар Ж.** 2000. *В тени молчаливого большинства, или Конец социального.* — Екатеринбург.
- Вьюгин О.В.** 2009. *Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества.*

- Гавриленков** Е.Е. 2009. Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества.
- Гайдар** Е.Т. 2009. Доклад на презентации книги «Финансовый кризис в России и мире» в РГБ.
- Где и как Россия может выиграть от мирового экономического кризиса.** 2009. — М.
- Горелов** А.А. 2008. Концепции современного естествознания. — М.
- Греф** Г.О. 2009. Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества.
- Данилин** О. 2009. Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества.
- Дворкович** А.В. 2009. Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества.
- Известия.** 2009.
- Маскин** Э.С. 2009а. Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества.
- Маскин** Э.С. 2009б. Конструирование экономических механизмов. — М.
- Мау** В.А. 2009. Особенности, причины и возможные последствия текущего экономического кризиса // *Финансовый кризис в России и мире.* — М.
- Пролегомены к антропологии мирового кризиса.** 2009. — М.
- Роланд** К. 2009. Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества.
- Сен** А. 2004. Развитие как свобода. — М.
- Улюкаев** А.В. 2009. Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества
- Уоррен** Б. 1999. Почему лидеры не могут руководить. — М.
- Хайек** Ф.-А. фон. 2003 *Контрреволюция науки.* — М.
- Харрисон** Л., Хантингтон С. (ред.) 2002. *Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу.* — М.
- Шелов-Коведяев** Ф.В. 2004. Какая экономика нам нужна? // *Мир России.* Т. 14. № 1.
- Шелов-Коведяев** Ф.В. 2005. *Введение в культурную антропологию.* — М.
- Энто** Р.М. 2009а. Некоторые проблемы исследования деловых циклов // *Финансовый кризис в России и в мире.* — М.
- Энто** Р.М. 2009б. Доклад на презентации книги «Финансовый кризис в России и мире» в РГБ.
- Ясин** Е.Г., Снеговая М.В. 2009. *Тектонические сдвиги в мировой экономике: Что скажет культура.* — М.